

Предсказание гадалки

Субботний вечер оказался богат неожиданными событиями. Первое, пустяковое, произошло, когда Таня с сыночком неспешно двигались в толпе гуляющих по Старому Арбату. Решили отметить субботний вечер: съесть тут по мороженому и поглазеть на самодеятельных акробатов и бардов.

— Погадаем? — черная, как смоль, полная, самодовольная тетка равнодушно бросила в их сторону вопрос, оставаясь сидеть за своим раскладным гадальным столиком. Таня механически отрицательно качнула головой, но Тимка вдруг уперся: — Мама, ну давай погадаем.

Заплывшие глаза мошенницы оживились в предвкушении денежного прихода, что только добавило к таниному нежеланию.

— А сколько стоит услуга?

— Сто пятьдесят. Будем гадать по руке или на картах?

«Сто пятьдесят?» — цифра кольнула Таню, они с Тимкой жили скромно, не привыкли швыряться купюрами.

Тимка, молодец такой, тоже понял, что для них дороговато, и они прошли мимо. Но когда удалились от толстухи, он поднял глаза, прижался к ее руке и умоляюще шепотом попросил: — Давай погадаем!

Ну, раз Тимка просит, так и быть. Только надо выбрать гадалку, на Арбате их несколько, чтобы хотя бы глаза были хорошие. И они нашли такую, на вид простую добрую домохозяйку. «Так и я бы могла взять колоду и выйти сюда зашибать деньги», — думала Таня, пока перед ней раскладывали и убирали карты.

— Была у тебя любовь...

Таня усмехнулась — так гадать, конечно, можно, у кого любви не было — хотя бы в детском саду.

... и он к тебе вернется...

Тут гадалка на миг запнулась. Видно, что пыталась расшифровать значение комбинации. Потом, решив сократить труднообъяснимую часть, закончила: — и выпадает тебе большая любовь.

Ну, вот и выкинули деньги на ветер, слава Богу, хоть эта запросила сотню. Надо же, какая халтура!

Танин, можно сказать возлюбленный, разумеется, никогда не вернется. Их роман был трехнедельный, а прошло уже восемь лет!

Личная жизнь Тани сразу после вуза пошла под откос. Тогда их НИИ, наверное, последний раз в истории послали на картошку, лил дождь, в бараке было сыро, мужики пили, от скуки и бессмысленности изменяли своим благоверным. Короче,

беременность Тани от их молодящегося, потрепанного завлаба, глупость, конечно, величайшая. Они с мамой, которая сама ее растила в одиночку, тогда погоревали-погоревали, и решили — не прерывать первую беременность. Так родился Тимка. А завлабу Таня ничего не сказала — не хотела этого козла больше видеть в своей жизни. Еще начнет тут появляться на пороге лет через пятнадцать и качать родительские права. Пошел он...

Так Тимка благополучно съел всю ее личную жизнь. Без остатка. Только однажды, когда Тимке было два года, мама забрала его в отпуск на дачу, а Таню буквально насильно вытолкала на юг к морю: «Ты еще молода, отдохни там. Может, кавалера найдешь».

— Мама, а вот — мороженое, — Тимка потащил к киоску.

И, как в сказке, на второй день ее черноморского отпуска она, что называется, — отхватила такого супермена, прямо-таки плакатного красавца. На танцплощадке он сразу подошел к ней, пригласил и больше они все три недели не расставались. Разумеется, остальное бабье сожрало ее глазами. Да и внаглую сколько раз пытались отбить прямо из рук: подходит эдакая, ее, Таню, от ее же кавалера бедром отодвигает (прямо как в хоккее!), грудь за малостью наружу и со змеиной улыбкой, с завлекательным хохотом обязывающий мужчину разговор ни о чем. Но Игорь ни разу не поддался. Вежливая улыбка, изгибом сильной руки вокруг вражеского бедра, Таню за руку и — в сторону.

Недалеко от театра Вахтангова народ столпился вокруг акробатов. Но номер у них не получался: все время падали, наверное, были под мухой. Да, Игорь тогда оказался абсолютно верный мужчина — ни взгляда на сторону.

Господи! Что это? Станешь тут суеверной!

Здесь, на Арбате, Таня увидела Игоря. Он стал немного другой — ну, это естественно, через восемь-то лет. Солидный, мужественный, неотразимый — он смотрел с фотографии, которую показывали по телевизору. Фото исчезло, ведущая новостей продолжала что-то говорить. Что — не слышно.

Таня быстрыми шагами направилась к летнему кафе, где в углу стоял этот телевизор и на него никто, кроме Тани, внимания не обращал.

— ...теперь на этот пост в правительстве России назначен Игорь Градов, — завершила сообщение ведущая.

Вот так.

Таня была ошеломлена. Не прошло и получаса после гадания, а Игорь пришел к ней на встречу!

Правда, с экрана. Так что же — он теперь там, наверху?

Надо же, ну, конечно, рада за него. Давай, Игорь, поднимайся.

Все-таки какая глупость это гадание! Ну, вот как это Игорь вернется к ней, и будет большая любовь!

Как такое может быть?

Да, женское сердце наполнено беспочвенной надеждой. Конечно же, она ждала его еще два года после того лета. И потом ждала. Но умом понимала — он давно женат. А главное, при расставании он не предложил встречаться. Не сказал «созвонимся », ничего. Только поцеловал, повернулся и ушел. Не врал хотя бы. И на том спасибо. Наверное, еще раньше у него уже была невеста. А может, и жена — Таня его не расспрашивала и в паспорт не заглядывала.

— Мама, ты что молчишь? Мы уже домой приехали, — Тимка затеребил ее руку. Надо же, и вправду — их подъезд.

У лифта уже стоял мужик. Таня узнала его по скособоченному лицу — это он въехал, видно, по обмену, в квартиру этажом ниже. Совсем недавно, где-то неделю назад, не больше. Таня ему кивнула.

То ли работяга, то ли заводской инженер с видом работяги. Надо же, смешно — у него линия бровей резко наклонена слева направо и плечи точно так же. Да и весь он как бы с креном в эту сторону. Интересно — он таким родился или жизнь скривила?

В лифте все поначалу молчали. Потом Таня вспомнила: — Тима, в понедельник после школы сходишь в ЖЭК, вызовешь электрика. Понял? Скажешь — в розетке искрит при включении. А то либо убьет кого-то, либо пожар устроим.

— Я сам почию, — сказал Тимка, — надо отвинтить и посмотреть.

— Правильно, — сказал скособоченный сосед, — надо отвинтить и посмотреть.

— Еще чего? — Таня резким движением притянула Тимку и с гневом посмотрела на скособоченного, как будто это он только что собирался током ударить ее сыночка. — Слышишь, не вздумай, — она тряхнула Тимку за плечи.

— Как тебя зовут, — сосед протянул Тимке огромную лапищу.

— Тимофей.

— Дядя Коля, — они пожали руки, — а давай вместе почиим. Можно? — сосед еще более приподнял поднятую левую бровь, обращаясь к Тане.

— А вы в этом понимаете? — примирительно спросила Таня.

— В этом? А что там понимать!

У скособоченного была еще одна особенность: глаза его, все время как бы прищуренные, мелко, смешливо моргали. Будто он без слов про всю тему разговора давал собеседнику понять — тут все ясно, тут все разрешаемо, тут все делается. Спокойный мужик, надежный, на полголовы выше, большая скособоченная спина, необычно длинные руки.

— Можем сделать хоть сейчас, — сказал он Тимке, весело помаргивая.

— Да, да, пойдете к нам! — спутал все карты Тимка, поскольку у Тани были другие планы.

— Ну, если сможете, зайдите, будем благодарны, — нерешительно сказала Таня.

Таня только поставила ужин разогреваться и — быстро пошла в комнату, где уже вовсю у розетки работали двое мастеров. Надо было посмотреть: все-таки чужой человек в квартире.

— Ну, нашли причину?

— Мама, представляешь, алюминиевый провод обломался прямо при выходе из стены. Это болезнь алюминиевых проводов. — «Поди ж ты, как начал выражаться после пятиминутного общения с мужиком». — Причем так неудобно, что к нему ничего не присоединить, он еле выглядывает из бетона.

— Тима, смотри, как мы поступим, — оба носа мастеров вмиг оказались у пальцев дяди Коли. — Мы другой конец накрутим виток за витком на тонкий гвоздик, получилась пружинка, которая, как ты понимаешь, не пружинит, поскольку это не сталь, а алюминий. Но эту пружинку мы будто на резьбу навинчиваем на обломок, который торчит из стены.

Получается крепкое соединение. А почему? — Дядя Коля смешливо замигал. — Потому, что гвоздик был диаметром тоньше...

Таня их уже не слышала, шли новости, и она с трепетом впитывала все черточки лица только что назначенного высокопоставленного чиновника. Его фото вновь было на экране.

Ночное южное небо, танцплощадка, танго «Кумпарсита», она в великолепном шифоновом платье, он серьезен, его рука крепко держит ее за талию, его лицо близко, абсолютно римский профиль, безукоризненно прямой нос, она — наверху блаженства.

— А почему эта дверь скрипит? — дядя Коля качнул межкомнатную дверь туда-сюда, упершись своим скособоченным носом в верхнюю петлю. — Тима, у тебя есть старый флакон типа от шампуня.

Тимке только дай сигнал — уже тащит флакон.

— Тима, там еще есть шампунь, правда немного. Давай его перельем куда-то, нам потребуется дно, надо из толстого полиэтилена вырезать шайбочку и вставить вот сюда. И не будет скрипеть.

— Вы дверь собираетесь снимать? Не надо! — без большой благодарности в голосе возразила Таня.

— Мама боится, что мы ее потом не сможем надеть на петли обратно. Вот дверь в кухню мы с мамой полдня пытались посадить на петли, так и не смогли, с Нового года просто так стоит у стенки.

— Тима! — сердито крикнула Таня.

— Тима, да мы с тобой сейчас это вмиг сделаем.

Там вся хитрость в том, что штырь нижней петли надо на сантиметр укоротить, то есть отпилить.

Таня пресекла бы все это, но глаза Тимки сияли счастьем. И она ушла на кухню.

Действительно, мужчины справились с дверьми очень быстро. Таня с Тимкой вышли провожать гостя.

— Ну, до свидания, — попрощался дядя Коля, — если что зовите, сделаем, это пустяки. А про розетку скажу: провод обломался потому, что вы все время шатали его удлинителем. У вас должна быть еще розетка на другой стене.

— Когда был ремонт, провод заклеили обоями, и теперь мы не знаем, где он. Я предлагал маме найти его, но она сказала, чтобы я не портил обои.

— Мы с тобой, Тима, за шесть секунд найдем эту проводку без порчи обоев, — сказал стоявший уже за порогом дядя Коля, — с помощью транзисторного приемника и кофемолки. У вас есть кофемолка?

— Правда? — вскричал абсолютно ошалевший от счастья Тимка и уже штопором ввинтился в кухню, где что-то с грохотом стало падать на пол.

— Тима! Завтра, все завтра, — закричала в ужасе Таня, — дядя Коля уходит. Завтра мы поедем к бабушке, потом ты делаешь уроки, а вечером...

— Отлично, — сказал дядя Коля, — весело мигая самому несчастному человеку на земле с кофемолкой в руках.

Следующим вечером Таня уселась перед телевизором смотреть пространное интервью вновь назначенного высокого чиновника и не очень смотрела, как мужчины включили в сеть кофемолку и водили включенным транзистором вдоль обоев, чтобы обнаружить, где будут трещать радиопомехи. Где помехи — там и провода.

Она не слушала, что говорил Игорь. Она наслаждалась воспоминаниями. Они отстали от группы во время экскурсии к захоронениям древних скифов, и любовь у них была прямо на горячем песке под кустом, состоящим из колючек. Ей не все было хорошо.

К телу пристал песок. Недалеко от ее щеки из-за палки высунулась ящерица. Были слышны голоса группы.

Но ей было хорошо оттого, что ему было хорошо.

— Тима, у тебя дюбель есть?

— Нет, — со страданием ответил ее сыночек.

— А колпачок от старой ручки?

— Целый ящик!

— Тащи сюда!

Странно все это. Их молниеносный роман перед глазами, как будто был вчера, и теперь они с Игорем сидят рядом, правда разделенные экраном.

То было вчера, а это сегодня. «Прямо-таки дети оба — что взрослый, что мальчик», — подумала Таня, теперь уже глядя на мастеров.

— Ну ладно, я собираюсь. Только почему у вас лампа вон в том плафоне не горит?

— дядя Коля стал складывать инструменты.

— Там дырка маленькая в плафоне, туда руку трудно просунуть, чтобы вывинтить такое пластмассовое кольцо с ребрышками, — Тима стал крутить кистью, будто вывинчивая, с надеждой, что это затормозит дядю Колю. И точно: затормозило.

— Это делается деревянными щипцами для белья. Есть такие?

— Есть! — заорал Тимка и помчался в туалет, а за ним с той же скоростью Таня, чтобы предотвратить полное обрушение шкафчика с хозяйственными мелочами.

— Спасибо вам, я не спросила, сколько мы вам должны, — стала прощаться Таня, глядя на горящий плафон.

Дядя Коля только чуть пальцами пошевелил типа «ничего».

— А что у вас столько голубей на балконе?

— Ой, и не говорите. Там, где соседний балкон, — там старуха сумасшедшая живет, она их кормит, так голубей здесь стаи. Я устала убирать на балконе, все в пятнах.

— Ну так это мы с Тимофеем за шесть секунд.

Тима, нет тонкой веревки типа нитки?

— Леска!

— Пойдет!

Огромная спина ссутулилась у одного угла балкона, потом у другого, и действительно, через минуту на расстоянии ладони выше поручня оказалась натянутой леска.

— Больше голубей не будет. Ну, до свидания!

— Дядя Коля! У нас кран в кухне течет. И еще бачок журчит в туалете.

— Тима! — всерьез рассердилась Таня.

Дядя Коля в дверях мелко весело замигал Тане, протянул огромную лапищу Тиме: — Мы починим кран завтра вечером, а бачок — послезавтра вечером, но при двух условиях: ты не получишь троек, и будут сделаны все уроки — лады?

Тима предельно посерьезнел: — Я все сделаю.

Телевидение прямо-таки полюбило нового высокопоставленного назначенца. Каналов много, и либо на одном, либо на другом каждый вечер да и не раз появлялся Игорь.

Таня смотрела все. Почему он к ней потом не пришел? Да, курортный роман, да, к нему нельзя относиться серьезно. Но сердцем Таня чувствовала: здесь что-то не так. Что-то было абсолютно нефальшивое в их трехнедельной любви, в его взглядах, поцелуях. Нет, не может быть такое ложью. Почему он исчез?

Они с Тимой и дядей Колей пили на кухне чай.

Дядя Коля уже много чего по вечерам починил в их квартире. Тима боролся за свое счастье, а взрослые это видели, позволяли ему это.

— Дядя Коля, а вот... — Тимка, держа в руках чашку, стал вращать глазами по кухне, ища — какую бы еще работу выдумать для своего кумира. Не нашел. А фразу заканчивать надо. — А вот щель в линолеуме можно заделать?

— Тима! — Таня даже привстала, настолько велико было ее желание за такое съездить сыночку по затылку.

— Щель? — скосбоченный большой нос поехал вниз мимо крышки стола. — Да-а, это бракодел оставил. Ладно, завтра мы с тобой заделаем.

— Ой, ну что вы! Мы здесь жили с этой щелью столько лет и еще проживем. Вот еще вам такие хлопоты. Да и, по-моему, это нереально.

— Почему же? — глаза мелко весело замигали. — Мы с Тимофеем завтра из-под плинтуса вырежем полоску линолеума такого же размера, вставим в щель, затем паяльником расплавим ее и загладим.

Тимка выпрямился как легионер — победитель, входящий в Триумфальную арку, и с восхищением смотрел на своего обожаемого полководца.

«Вот чем не мужик. Ведь хорош мужик», — подумала Таня, глядя как два носа опять свесились, изучая щель в линолеуме. — «Но любовь-то там, в телевизоре».

«Почему это любовь в телевизоре? — подумала Таня, засыпая и сердясь на себя, — любовь была на море, а в телевизоре никакой любви нет».

«И на море не было никакой любви, — неожиданно сделала она вывод, проснувшись утром, — там был роман, там мы были любовниками — каждый день и каждую ночь, но разве это любовь? Это увлечение. Это приключение. Это воспоминание. И все».

Постепенно ежедневное появление Игоря на экране перестало приносить только радость от воспоминаний, хотя эта часть была желанной и очень приятной. Что-то мешало глазу. Может быть, то, что в воспоминаниях был один Игорь, а на экране другой, как бы совсем другой человек. Тогда с какой стати, глядя на этого другого, она должна вызывать самое сокровенное в своей памяти? Вот эта связь, эта зависимость задевала. Какая-то неприятная неувязочка.

Всемирный экономический форум, абсолютно непонятный телезрителю. Какие-то шикарные здания, множество полицейских, подъезжают лимузины, чинные господа делано улыбаются. Вот и Игорь в составе российской делегации. Также делано улыбается.

В ванной завизжала дрель. Мастера хотят там прижать отошедшую штукатурку, не отбивая ее, а каким-то диковинным способом: шприцем заполняя клеем карман сквозь просверленную дырку, — так ей авторитетно разъяснил Тимка.

Наш корреспондент спрашивает Игоря о значении саммита в Давосе.

Они подплыли к гроту. Вода уходит туда, в темный проем в скале, дальше плыть жутковато. Таня подплыла к валуну, оперлась рукой, отдыхает, показывает Игорю на потолок, уходящий в глубь пещеры: «Не там наскальные рисунки?» Он не

отвечает, набрасывается на нее как дикий зверь. И здесь, в лазурно-солнечной сказочной воде, опершись об этот валун, который видел динозавров, они сливаются в любовных объятиях.

— Мам, а ты знаешь, дядя Коля в дрель вместе со сверлом зажимает конец веревочки. Вот скажи, зачем?

— Ну, зачем? — рассеянно спрашивает Таня.

— Веревочка крутится вокруг сверла и смахивает стружку, как метелочка, — вот зачем, — торжественно объявляет Тима, — особенно это важно, когда сверлишь металл и стружка закрывает риску.

— Вот что неправильно, — догадывается она, лежа в темноте с открытыми глазами. Ее воспоминания — это ее собственные воспоминания. Это ее ценности, они приходят, когда захотят или когда ей, Тане, захочется, — не поймешь. Но по крайней мере не тогда, когда в новостях кому-то вздумается показать чиновника Градова. Хоть это и дорогой ей человек.

А получается зависимость. Это — насилие.

Это искусственный вызов ее воспоминаний по чьей-то еще воле. Мне это не нравится.

Очередное чаепитие. Дядя Коля и Тима обсуждают следующую ремонтную операцию, а Тане некогда, надо разделить рыбу да приготовить на завтра.

— Таня, вы как рыбу чистите? Ножом? Гораздо удобнее обломком полотна ножовки по металлу, только надо обмотать изолентой место для руки.

«Интересно, а этот дядя Коля весь состоит из приемов и маленьких хитростей, у него что — двадцать четыре часа голова ими забита?»

— Дядя Коля, а у вас есть семья, жена, дети?

— Тима! — Таня покраснела, — извините, пожалуйста, Николай Николаевич.

Дядя Коля мелеенько заморгал прищуренными глазами, но почему-то в сторону и без веселости, что было впервые.

— У меня есть сын, — Дядя Коля уставился на давно и классно отремонтированную щель в линолеуме. — Он уже взрослый, недавно женился, он учится в Питере

— не могу привыкнуть к этому названию — в мореходном училище.

— А вы кто, сантехник?

Вот тут Таня быстро и точно съездила по затылку сыночку.

— А что? — обиженно уставился на нее Тимка.

— Я занимался высокоточными станками — размерная обработка деталей световым лучом и трехкоординатная вырезка фасонных контуров. Был в Москве такой завод шлифовальных станков.

— Почему был?

— Сейчас там вьетнамский вещевого рынок.

В кухне воцарилась тишина, все переваривали информацию. Дядя Коля сам исключительно изящно ее прервал.

— Тима, как ты думаешь, почему в комнате карниз, на котором штора, висит параллельно по отношению к потолку, но наклонно по отношению к стене?

— Плохо повесили?

— Нет, не в этом дело. Там стена неровная, поэтому кронштейн заваливается, — дядя Коля показал, как нож неровно опирается на кулак.

— Надо стенку долбить, чтоб ровной была?

— Этого мама не разрешит.

— Не разрешу, — улыбнулась Таня: она стала уставать от ежедневных теленовостей и отдыхала в разговорах на узкотехнические темы.

— Смотри: мы просверливаем маленькое отверстие в карнизе ниже крепления, ввинчиваем туда незаметный винтик, он упирается в стену и по мере ввинчивания начинает отталкивать карниз от стены, то есть выравнивает его положение.

Тимка смотрел широко открытыми глазами — он не мог предположить такого простого решения.

Чиновник Игорь Градов сделал в карьере очередной шаг вверх. Новости передали, что он стал заместителем председателя партии «Ответственность», объединяющей всех чиновников России и весь народ вокруг этих чиновников. Таня смотрела очередное развернутое интервью и поймала себя на том, что ни одно воспоминание в сознании не всплыло. «А ведь ты все врешь», — подумала она, слушая гладкую речь своего не своего Игоря. «Врешь потому, что слова твои не связаны ни с одним твоим человеческим желанием и вообще ни с чем человеческим. Какой-то набор ничего не значащих слов». Впервые в жизни она сердилась на Игоря и мысленно выговаривала ему.

Как бы мне выкарабкаться? Вот ведь шестеренки захватили край рукава, и скоро меня всю в эту машину затащит. Зачем этому правительству, этим политическим новостям, этим телеканалам доставать меня, причем ежедневно? Меня, маленького человека, который никому кроме Тимки не нужен. Зачем этой гигантской машине власти так ежедневно изловчиться, чтобы кольнуть именно меня через этот экран? Раньше ведь мы с этой госсистемой хорошо жили порознь, не интересовались друг другом.

А! Все дело в тех самых воспоминаниях. Да, да!

Из-за них я привязана к новостям про члена правительства Игоря Градова. Если так, то я готова их тут же отдать. Жалко, конечно, кроме них у меня остается разве что только Тимка, но ничего, проживу.

— Мама, а помнишь, мы красили батареи и не знали, как их покрасить со стороны стены? Оказывается, надо в горячей воде выгнуть старую зубную щетку, получается удобная кисточка как раз для батареи.

Их группу экскурсантов повезли на белом катере по синему морю в местный краеведческий музей.

Группа двинулась по залам полутемного помещения, а Игорь за руку удержал Таню в первом зале.

Они остались одни у окна. Он разом сорвал бретельки летнего платья, открылась ее такая странная белая на загорелом теле грудь. Он прижал ее к подоконнику, задрал платье. И тут — шаги. Шаги приближались по соседней комнате в их сторону. Игорь отскочил и — навстречу к идущему, чтобы задержать его. Таня развернулась к окну, молниеносно поправляла платье. Игорь, разговаривал о чем-то с идущим, и они прошли мимо ее спины дальше вослед ушедшей группе. Обошлось. А Таня все стояла и смотрела на щель между оконным блоком и рамой.

Чтобы не дуло, надо по всему периметру проложить бельевой шнур и прижать рамой. Или, если замазкой, то замазку лучше пропустить через старую мясорубку, которую не жалко, из нее вместо фарша вылезут тонкие полоски замазки. Очень удобные именно для утепления окна, так сказал дядя Коля. Господи! У меня крыша поехала, — Таня со слезами зло развернулась в постели и закусила край подушки.

В страну приехал самый знаменитый во всем мире тенор, а дядя Коля с Тимкой решили бороться со скрипом пола в коридорчике с применением очень сложной технологии. Таня выключила плиту, чтобы не сторело, пошла к телевизору, из деликатности задержалась рядом с мастерами.

— Мама! Смотри, никогда в жизни не догадаешься!

Сверлим два отверстия, в одно ввинчиваем вот этот болт, а в другое — эпоксидную смолу, смешанную с опилками. Так, дядя Коля? Когда затвердеет, болт вывинчиваем и вместо него тоже смолу с опилками. А потом дырки забьем кругленькими деревяшечками и выровняем. И скрипеть не будет!

На Таню пахнуло мужским потом, что отнюдь не оказалось неприятно. Интересно было сочетание огромного согнутого в ком тела и микронных точных нежных движений, которые вокруг болта в полу проделывали пальцы и большой скособоченный нос. Она как-то видела, что как раз именно такими движениями дирижер управлял огромным оркестром. А это что за ягодички, которые смотрели прямо на нее? Ягодицы — это ягодички, это она по себе знала. А это не ягодички, а какие-то рабочие рукавицы, прости, Господи, за сравнение и за рифму.

Чтобы ее не засекли улыбающейся по столь неприличному поводу, Таня поспешила к телевизору.

В Большом театре в связи с приездом тенора торжество: в огромном зале рядом с уже расставленными столами в сверкании хрусталя и осетрины сверкала соответствующая публика во фраках и бриллиантах, гудевшая оживленно, видно,

вот-вот пригласят к закускам. Перед камерой, панибратски обнявшись, большая группа очень веселых людей, видимо, друзей в доску. В центре, разумеется, тенор, кто остальные, Таня не знала, разве что немного узнает вон ту, в прошлом звезду советского балета. Но рядом с тенором, разумеется, Игорь Градов.

И их удачные шутки (на разных языках), которым все смеются, основываются на главном: их объединяют исключительные перспективы сотрудничества и сотрудничество в перспективе. Все хором рассмеялись, поднимая бокалы с шампанским, и Таня выключила телевизор. Подошла к зеркалу. Могла бы она сейчас стоять рядом с Игорем?

Таня стала критически, медленно себе разглядывать.

Прощай, молодость. Это так войлочные боты называются. Она похожа на войлочный бот? Нет, пока еще лучше. Конечно, если сделать прическу, надеть колье, вечернее платье... Она что — завидует?

Нисколько. И не нужно ей стоять между Игорем Градовым и знаменитым тенором, и ничего она там не потеряла.

Не в том дело. Дело в том, что прощай, молодость.

Навсегда. Ее никогда больше не будет. Никогда не будет того молодого упругого тела, которое так любил Игорь. Зато навсегда останется вот эта морщинка. А скоро проявится еще и вот эта.

Вот он — озарило Таню — замысел центрального телевидения, вот зачем оно решило устраивать мне ежедневные встречи с Игорем. Чтобы показать, что у него еще только открываются все перспективы и с тенором, и без него, а у меня уже никаких шансов. Телевидение задалось целью до моего сведения то, что я в повседневности упускаю: если не Тимка, то моя личная собственная жизнь — полное банкротство. Полное. Банкротство.

Таня повела пальцем по своему овалу лица в зеркале.

Может, пореветь? Что-то не можется.

Таня медленно поплелась к мастерам в коридорчик и устала на конец шланга пылесоса, на который был натянут кусок велосипедной камеры, чтобы лучше было доставать пыль в неудобных местах, потом взгляд упал на бельевую прищепку, которой были скреплены друг с другом голенища ее сапог, чтобы они не развалились по полу. Прощай, молодость, — так называются войлочные боты.

Она с трудом вспомнила, что надо идти на кухню, продолжать готовить.

Встреч с Игорем по телевизору произошло уже гораздо-гораздо больше, чем тогда на море — однако телевидение останавливаться не собирается. В чем же выход? Выход в том, чтобы собрать в кулак всю свою человеческую гордость, убедиться, — то есть убедить себя, — в ценности собственной жизни без всякого Игоря Градова и жить дальше.

Нет, увы, не греет.

Вот, нашла выход. Нельзя больше смотреть телевизор, по крайней мере, новости и большие политические обзоры.

Нет, и это не выход.

Не знаю, что делать.

— Мама, мы закончили. А знаешь, что мы придумали?

Ну, конечно, это не я придумал, а дядя Коля предложил. У нас шкафчик в комнате — небольшой, он в мой рост. Дядя Коля предложил перевернуть его вверх ногами и привинтить к потолку.

Таня уставилась на веселых заговорщиков, ничего не понимая, на плите уже горело.

— Мама, тогда ковер можно передвинуть под висящий шкафчик и поставить сюда кресло — полкомнаты высвобождается!

Вот тут-то Таня и разревелась.

В воскресенье дядя Коля пришел утром — привинчивать шкафчик кверху ногами к потолку. Таня по неосторожности включила телевизор — вроде новостей не ожидалось. И — оцепенела у экрана.

Корреспондент вел передачу из семьи Градовых!

В шикарном кресле, чуть развалясь, сидел Градов — радушный хозяин дома. А рядом на не менее роскошном диване две молодые женщины — великосветские салонные львицы. Кто вторая, было непонятно, но первая! Первая! — у Тани перехватило дыхание. Первая — видно, что московская штучка, с красивым лицом, почему-то чуть иранского типа — жена! Его жена! Вот она какая.

Что-то странное в поведении обеих: словно они, закадычные подружки, случайно здесь, а кто такой в кресле — они знать не знают. И вроде это специально не показывается, и в то же время демонстративная отстраненность видна.

Что же, оказывается, говорит корреспондент, представляя семью! Он говорит, что как удивительно удачно в этой семье сложилось: он, муж — член правительства страны, а его супруга — дочь президента одной из трех самых могущественных нефтяных компаний России!

Вот так-то! Вот почему Игорь не вернулся к ней, к Тане. Что там гадалка говорила — что он к ней вернется? Ха-ха-ха. Не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться.

Выключить телевизор у Тани сил не нашлось.

Разговор на экране вышел, разумеется, на тему крепости семьи. Московско-иранская красавица вдруг без повода и довольно некстати расхохоталась, причем смеялась, сложившись пополам. Этот смех производил тяжелое впечатление. Градов озадаченно через силу улыбнулся.

Они опять с корреспондентом начали было вести туфту про семейные узы, как вдруг персидская красавица прервала: — А ты расскажи про роман, который у

тебя был на море, когда мы только что поженились, но я тогда на месяц улетела в Париж. Вот перед всем народом — расскажи.

В Тане все напряглось. Градов примирительно обратился к жене: — Ну что за шутки, ты о чем, о каком романе, не было никакого романа.

— Ах, не было? И в музее не было?

«... в музее...» — Таню пронзило электричеством.

— А фотографию, где вы у грота, эту фотографию прямо сейчас в камеру — показать?

«... у грота...» — Тане показалось, что она вновь у того грота в этой прозрачной в солнечных бликах воде, но она стала тонуть, пошла на дно.

Лицо шамаханской царевны на миг стало злым-презлым, и вдруг она вновь точно также, сложившись пополам, расхохоталась.

— Ну, у грота... — Градов растерянно потер нос, было видно, что он быстро соображает, — странно, что прошло восемь лет, и ты мне впервые, да еще перед камерой, об этом говоришь.

— Да, — перебил он сам себя. — Какая фотография?

Какая вообще может быть фотография?

Третьим лишним стали все: и корреспондент, и телеоператор, и подружка, и смотрящая эту сцену страна. Между мужем и женой на глаза у всех происходило что-то роковое.

— Ах, какая фотография? — Градова испепеляли два горящих восточных черных глаза. — А вот эта фотография! — Тонкая кисть оказалась в раскрытой сумочке, что-то там взяла, но не доставала.

Градов протянул со своего кресла обе руки к сумочке, будто пытаясь предотвратить извлечение из нее неизвестного предмета.

— Я понял! — его лицо неожиданно налилось кровью и стало некрасивым-некрасивым. — Ты улетела в Париж, я поехал на море, а твой отец послал за мной... За мной, что — следили?!

Корреспондент опомнился: — А расскажите телезрителям...

— Да, — внятно сказала иранская княжна, не вынимая руки из сумочки.

Они оба не обращали внимания на тележурналистов, как будто их вовсе не было. Дуэль взглядов продолжалась. Рука сделала еле заметное движение из сумочки.

Градов сжал челюсти, желваки крутанулись.

— Ах, у грота! Да, я вспомнил, я тебе расскажу, там случилась престранная ситуация. Послушай, мне казалось, я тебе об этом уже рассказывал. Ну ладно, дело было так. Я подплыл ко входу в грот, говорят, там есть наскальные рисунки. И надо же, там плавала какая-то отдыхающая. Представьте, взяла и напала на меня. Женщина на меня, мужчину. Ну, лифчик скинула и в объятия. Что только

на курортах не бывает! Не знаю, что там у тебя за фотография, но я вырвался из объятий той знойной дамы и уплыл.

Таня вырубилась в кресле. Весь мир был остановившимся взрывом. Она с большим трудом поднялась с кресла, и жизнь свелась к главному — у нее никак не получалось, ну никак она не могла снять с пальца кольцо. Это простое, но изящное колечко подарил Игорь перед расставанием.

Нет, не снимается! Так, с гримасой усилия она и показалась в проеме двери перед сыном и дядей Колей. Оба встали.

— Вот, не снимается, — Таня протянула к дяде Коле руку, обливаясь горячими слезами.

— Это мы в шесть секунд, — сказал потерявший веселинку в прищуре дядя Коля.

— Тима, нитку.

Он взял ее палец, и рядом с кольцом одновременно оказались все его десять пальцев и скобчатый нос. Вновь те же миллиметровые нежные движения, что и у дирижера. Вот нитка просунута под кольцо, вот она наматывается на палец, виток за витком — довольно много. Теперь дядя Коля взялся за просунутый под кольцо конец и начал витки разматывать.

Кольцо снялось!

Дядя Коля осторожно усадил зареванную Таню за стол и сам сел рядом. Таня вдруг перестала плакать, жалостливо улыбнулась и стала разглядывать асимметричное лицо дяди Коли. Время шло, оба молчали, смотрели друг на друга, при этом Таня смотрела то на морщинку над бровью, то на складки в уголках губ.

Вот он, выход! Выход из этих ужасных взаимоотношений с телевидением. Выход из безусловного доказательства, что ее жизнь сплошное банкротство.

Вот это прекрасное асимметричное лицо, вот эти прищуренные, мелко подмигивающие веселые глаза — это и есть выход, выход для нее, Тани!

Таню вдруг охватило странное чувство — порыв, она неожиданно положила свою полнеющую руку ему на шею. Так они и сидели, смотрели друг на друга.

На следующий день, только она с работы переступила порог дома, Тимка ей крикнул: — Вот на кого ты все время смотришь по телевизору — его убили.

— Что?! Что ты говоришь? — Таня рванулась к телевизору.

— Экстренное сообщение. Час назад совершенно вооруженное нападение на машину члена правительства Игоря Градова. В самом центре Москвы на улице Спиридоновка, на ее изгибе преступник, вооруженный автоматом «Узи», в упор расстрелял автомобиль. Водитель скончался на месте. В предыдущем экстренном сообщении было ошибочно сообщено, что Игорь Градов также погиб. Как нам только что сообщили, он жив и доставлен в госпиталь.

О его состоянии пока ничего не сообщается.

Генеральный прокурор взял расследование этого покушения под свой контроль. Мельком показали кадры: «Мерседес» с разбитыми стеклами, какие-то люди укладывают носилки в машину «скорой помощи».

Вечером сообщили другое. То, что Игорь был весь в крови, это от осколков стекол. Он, оказывается, легко ранен — в руку, его жизни ничего не угрожает.

Как-то через неделю Таня возвращалась с работы в дождь. Когда она была уже у подъезда, от стены отделилась фигура и шагнула ей навстречу.

Это был Игорь Градов.

Он был бледен. Зрачки глаз расширены. Одна рука согнута в локте под плащом. С абсолютно прямого носа капали капли дождя.

— Таня! Здравствуй. Только с тобой мне было хорошо. Я люблю тебя, Таня. Я всегда любил тебя. Я вообще жил неправильно. Прости меня.

Таня сделала к нему полшага. Как она ждала этой встречи! Она внимательно стала вглядываться в такое дорогое, такое чужое лицо.

— Таня, я пришел к тебе. Ты единственная, кого я всегда любил и люблю сейчас. Но я не мог... Я не могу тебе сейчас все объяснить. Я ничего не мог. Ничего. Я обязан был делать только так, как делал.

— Как ты меня нашел?

Градов мотнул головой, как бы отменяя второстепенную тему разговора, которая мешает сказать главное: — Это самое простое. На любом развале компьютерных дисков есть адреса всех, кто живет в Москве.

Таня! Меня должны были убить. Я в госпитале вдруг все понял. Я понял — надо быть только с тем, кого любишь. Прости меня. Я пришел к тебе.

В это время из дождя к подъезду вынырнула крупная фигура вся немного слева направо. Таня на миг увидела скособоченное лицо с веселым прищуром, которое ей кивнуло. Таня только успела радостно этому лицу улыбнуться, как дядя Коля уже скрылся в подъезде.

Таня вновь обернулась к бледному человеку с абсолютно правильными чертами лица.

— Прощай, Игорь, не приходи больше, — она подошла и слегка нажала на здоровую руку. После чего шагнула в подъезд.

Таня с Тимкой был и в гостях на даче у дяди Коли. Без жалости смотреть на эту дачу и остальные дачи вокруг было невозможно — то был предельно скромный дощатый домик, в сущности, сарайчик с верандой. Но в этой убогости была видна ухоженность. Ветви раскидистого, но маленького сада почти полностью заслоняли окна веранды. Но фотография на стене, хоть за стеклом и в тени, все же была видна: руководитель советского правительства в кремлевских апартаментах вручает государственную награду улыбающемуся чуть скособоченному молодому человеку, в котором с трудом, но узнавался дядя Коля.

— Тима, ты тут по хозяйству, а мы с твоей мамой съездим на велосипеде на станцию за хлебом.

— На велосипедах? — спросила Таня — На велосипеде, — ответил дядя Коля, прикручивая веревкой к раме послевоенного дорожного велосипеда подушку. — Таня, вы поедете здесь, садитесь.

Они медленно ехали вдоль дачных рядов по тропинке в траве. Велосипед вихлял, крутить педали дяде Коле было тяжело.

Таня хохотала, как никогда в жизни. Все неприличные движения латиноамериканского танца ламбады ничто по сравнению с ездой вдвоем на старом отечественном велосипеде. Коля соприкасался с ней так, что... просто невозможно как. Да еще его колени елозили по ее нежным местам вслед за педалями туда-сюда, а руки его фактически обнимали Таню с двух сторон. И вся эта цирковая конструкция грозила на каждой кочке рухнуть то в ту сторону, то в другую. Таня хохотала, а дядя Коля был предельно серьезен и отчего-то сопел. Видимо, крутить педали было все-таки тяжело.

Они проснулись рано утром на этой самой верандочке.

Под той самой фотографией. Тимка спал в комнате. Прямо за стеклышками створок окон на ветвях висел, словно дым, предрассветный туман.

Огромная гора на Тане двигалась. Таня обнимала голову со скособоченным лицом с нежностью.

— Коля, я люблю тебя. А ты?

Ответа не последовало, движение продолжалось.

Наступили содрогания и извержения. Большой чуть наискось нос рухнул в подушку рядом и утоп там.

— А ты? — повторила вопрос Таня.

— Больше жизни, — тихо прозвучало из глубины подушки.

За стеклами веранды блеснул первый луч солнца.